

ДЕТИ ВОЙНЫ О СЕБЕ

Дочерям и внукам

г. Уфа, 12 декабря 1998 г.

Я, Балахнин Николай Владимирович, родился 15 декабря 1934 г. в селе Байки Караидельского района Башкирской АССР. Был единственным мальчиком в семье, и было у меня три сестры: старшая Настя 1923 года рождения, Валя 1931 г. р. и Зоя 1937 г. р.

Мой отец Владимир Федорович 1899 года рождения, участник трех войн: Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной. Был он человеком смелым, сильным, любил шутки, не курил, водку пил в меру, очень любил советскую власть, так как он её устанавливал. Я о нем напишу подробнее чуть позже, это ваш дед и прадед.

Моя мать Елизавета Викторовна, 1902 года рождения, ваша бабушка и прабабушка, была очень религиозна. В доме передний угол был заставлен иконами. По субботам, воскресениям и праздникам она обязательно ходила в церковь, очень почитала всех своих родственников и родителей, которых уже не было в живых.

Но основным моим воспитателем был дед — Балахнин Федор Яковлевич, который прожил более 100 лет. Родился он в 1861 г., умер в марте 1961 г. Когда будете на нашем кладбище, поклонитесь ему, это он меня выкормил и привил много хороших качеств. Это ваш прадед. В молодые годы он был очень сильный, никогда не болел, знал все тропы в лесах, где растут грибы, ягоды; многое умел делать. Иногда по праздникам, выпив рюмку водки, стучал себя в грудь, говоря: «Мы казацкого порода. Мой дед был у Емельки (Е. Пугачева)». Я еще вернусь к рассказу о нем позднее.

Росли мы на улице, было дозволено делать всё, но в пределах допустимого и боязни перед Богом. Летом купались до посинения, до гусяной кожи, потом грелись на солнышке и — опять в воду, и так до десяти раз, а то и больше. Собирали ягоды, ловили рыбу, раков, которых было в нашей реке Байкинке очень много. Наловим ведро раков, сварим их на берегу, на костре, и едим — очень вкусно.

У нас было много гусей, которых я должен был пасти. Я же заставлял пасти Зою, младшую сестренку. Однажды она послушалась меня, тогда я схватил камень и бросил в нее. Камень попал в лоб, она упала, потекла кровь, а я убежал. Мне, конечно, попало за это. Рубец у неё до сих пор сохранился. Сейчас Зоя живет в г. Сибай.

Вот небольшая история из раннего детства: было мне около 5 лет, когда один мой друг Саша Казаков позвал меня за ягодами в Базилевку, в сторону Байкибашево. Взяв в руки камень с голубиное яйцо, он сказал: «Вот такие там ягоды, и все красные». Не сказав родителям, пошли по тракту вдвоем. В Базилевку пришли под вечер и, конечно, никаких ягод там не было. У Саши жила там тетя, она накормила нас заварухой (мука, заваренная кипятком), Сашу оставила ночевать у себя, а меня отправила домой в Байки. Я очень устал, идти уже не мог, лег в канаву и уснул. Под вечер дома хватились: «А где Колянчик?» (так звала меня мать). Кто-то им сказал, что мы ушли за ягодами. Отца дома не было. Настя нашла лошадь с таранасом (это такая телега), поехала меня искать в темноте. Не доезжая Базилевки, нашла меня спящим в канаве, привезла домой. После этого я несколько дней не мог ходить.

Так и шли эти годы. Наступило время отрочества, которое было наполнено многими событиями в моей жизни. Люди продолжали трудиться, отец работал в артели «Вперед». Летом я с ним ездил в поле, там и ночевали. Был построен дом и большой балаган (шалаш), покрытый соломой. Возил копны сена, ездил за водой с деревянной бочкой на телеге в деревню Семеновка (её сейчас нет) с Казаковым Петром Михайловичем, который всю дорогу что-нибудь рассказывал. Воду брали из колодца только для чая.

Я уже ходил в школу, когда наступила Великая Отечественная Война 1941-1945 гг. Помню, в поле прискакал верховой — собирайся на войну. В селе стоял плач — провожали отцов, братьев, сыновей на защиту нашей Родины. Более четырехсот человек ушли из села, обратно вернулась половина, остальные погибли на полях сражений. Отцу повезло, он вернулся живым в 1944 г., но инвалидом, делать ничего не мог, немного ходил на костылях.

А мы жили без него. Мать днем работала в колхозе «Новый Свет» — надо было отработать двести трудодней, хотя мы и не были колхозниками. А ночью пускала на ночевку двадцать человек, едущих на лесозаготовку или возчиков зерна, которые везли его на санях в Заготзерно, что в десяти километрах от Байков, на берегу Уфимки. Сейчас там всё залито водой Павловского водохранилища. За ночевку давали немного зерна или овса, пшена, гречихи. Из зерна делали крупу и муку. Во дворе стояла ступа, в неё насыпали гречихи, предварительно запарив её и высушив, затем заостренным концом палки долбили, чтобы отделить зерно от кожуры. А пшеницу мололи на домашней мельнице и получали муку и крупу.

Жилось нам очень плохо. Огород был маленький (мы были не колхозники, поэтому земли нам не давали). Картошки не хватало на зиму. Ходили помогать копать картошку колхозникам, за работу получали картошку. А когда наступала весна, мы с дедом ловили рыбу «мордами» (ловушка для рыбы, сплетенная из тонких веток) и везли её менять на картошку в деревни Барановка, Семеновка, Петухово (сейчас этих деревень уже нет). Всю зиму дед плел лапти и штук по 20 морд. Как только кончалось половодье, дед строил езы на реке — это место для крепления морд. Еще на горах лежал снег, вода была очень холодная, а он в портяных штанах, борода до пояса, ходил по воде, забивая колья. Я стоял на берегу и подавал ему, что попросит. Делал он три ёза, один был ниже нашей «фазенды» (так мы называем наш дальний огород в конце улицы), второй недалеко от нашего дома, где я делаю его сейчас, третий за горой. Когда был ход рыбы — ловил мешками.

Но особенно я любил зиму. На самодельных лыжах катались с вершук гор, делали трамплины и прыгали с них на лыжах. Падали, ломали лыжи, сами их ремонтировали и опять шли на гору. Делали ледянки — на доску намораживали теплый коровий навоз, обливали водой много раз, замораживали и катались. А по огородам бегали зайцы, которых мы ловили проволочными петлями. По утрам в морозные дни декабря-января на вершук гор стаями сидели волки и выли от голода. Всех собак в улице они уже съели, и временами залезали в сараи, разгребая соломенные крыши.

Большой радостью было у нас с другом Толей Бабиным доехать до школы на лошадях, которые ночевали у нас с зерном. Доедем до школы еще затемно и ждем, когда её откроют. В школу я ходил в домотканых штанах и таких же рубахе и понитке (пальто) — зимой мать ставила в избе ткацкий станок и ткала холсты из льна. Сумка тоже была холщовая. На ноги надевал лапти, которые плел дед. В сумке чернильница, деревянная ручка, тетради были редкостью, как и учебники. Весной, когда начинал таять снег, чтобы лапти не промокали, делали деревянные колодки и привязывали их к лаптям. Придем в школу, снимем лапти, ходим в вязаных носках или босиком, пока портянки сушатся на печке.

На Новый Год иногда давали подарки — булочки из пшеничной муки, испеченные в печи. Это для нас было большой радостью.

В школе учила нас Крохалева Маргарита Михайловна. Учился я вначале с вашей бабушкой, Петуниной Галиной Петровной, но одной зимой сломал ногу и на год отстал. На второй год чуть не потерял зрение — опять отстал, уже на два года. Галинка была пухленькая, прилично одетая, училась очень хорошо. Но всё равно её дергали за косички и звали «пятитонка».

Приходила суббота, мать топила баню, стоящую далеко в огороде. Баня была сделана «по-черному», без трубы. Когда топилась, дым выходил в двери. В баню я ходил с дедом. Первым делом надо было снять штаны, повесить их над каменкой (чтобы пожарить вшей), потом уже мыться. Дед очень любил париться. В предбаннике висела старая шапка, когда он шел в предбанник — надевал её, а я прятался под лавку. Дед парился, потом снимал шапку и уходил на улицу. Зимой голый катался по снегу и опять парился — так несколько раз, а летом и осенью бегал к речке, бросался в воду и снова парился. Потом уже дед парил меня старым веником, успевай только поворачиваться. После бани пили чай.

Электричества не было, радио и газет тоже. Но и к нам пришло, наконец, известие — кончилась война проклятая. Не все вернулись домой. У вашей бабушки Галины был убит отец — Петр, еще двое дядей Михаил и Андрей. Из одной семьи трое. Я, конечно, узнал об этом намного позднее. И в редкой семье тогда не было горя.

После войны жизнь стала потихоньку налаживаться. Мы стали старше, приходилось много работать физически, как в школе, так и дома. Для школы готовили дрова: сами без взрослых валили деревья с корня, чистили сучья и распиливали на двухметровки.

«Лучшему общественнику в заготовке дров
для школы ученику 5„В“ класса Байкин-
ской семилетней школы Балахнину Коле»
22 мая 1949 года

Балахнин Н., 1950 г.
Казачков А., Меньшиков А.

Летом, в сенокосную пору работали в колхозе на уборке сена. В том числе, девчонки и ваша бабушка Галя собирали граблями сено в кучки и заскабливали сено после того, как кучки увезут. А я возил копны на быке. Утром его запрягали (конный двор был в Ташино на горе) и ехали к Черной речке — так называлось условное место (название это сохранилось и сейчас). Бык шел запряженный в телегу только шагом, в ноздрях у него было железное кольцо, сделанное кузнецами, чтобы он был послушный. Приезжали на покос, а было еще сыро, и долго стоял туман. Привязывали быков, а сами в кусты — там было большое озеро, где били родники. Искупаемся и ждем команды (команду подавал Бабин Никифер по прозвищу «Звездочка»). Работа начиналась, а повариха тем временем варила «колобки» — суп с мукой и картошкой. Как мы его ждали! На обед шли тоже по команде. Поедим «колобков», попьем молока из своих бутылок, немного отдохнем и опять за работу. А девчонкам уже не охота — они еще масло не сбили в своих бутылках из молока, что приносили в поле. У некоторых за время отдыха и правда получалось сбить небольшой кусок масла.

Наступала самая жара, появлялось много мух и паутов. Бык поднимает хвост кверху — признак того, что он сейчас «забызгает». То есть, мухи его закусали, он уже не может от них отбиваться и бежит в кусты, ломая упряжку. Вот где самое горе! Бык стоит в зарослях черемухи и никак не хочет выходить. Хоть бей его, хоть упрашивай — стоит «как бык».

Мужчины складывают сено в стог — сильные, здоровые, вернувшиеся с войны победители — Калташов Михаил, Бабин Никифер, Шадрин Александр и другие. Приезжал председатель колхоза, смотрел, хвалил нас, обещал медом накормить.

Недалеко стояла колхозная пасека, иногда после работы заезжали туда. На пасеке работали женщины. Они нальют нам блюдо меду, а хлеба нет, и мы наедемся так, что потом аж тошнит. Едем домой, в телегу всех не садим — только по выбору. Да девчонки и не хотели на быках ехать — пешком быстрее дойдешь, расстояние около 5 км.

А на следующее лето я уже работал на конных граблях, собирая сено в кучки. Вечером после работы шли на улицу погулять, сидели на скамейке, слушая балалайку (играл на ней Казаков Саша, который сейчас живет в деревне Круш). А утром всё сначала. И так каждый день.

Наступал август, сенокос в колхозе заканчивался. В лесах поспевала малина.

Мать меня посылала в Магинск, там работала Настя, старшая сестра (сейчас она живет в Казахстане, г. Рудный). И я шел один за 20 км, и не боялся. Надо было переплыть на лодке через реку Уфимку. Я приходил в Магинск, Настя говорила: «Завтра поедет машина в село Березовый лог, люди поедут собирать малину» и давала мне ведро, кусок хлеба, и — езжай, да обратно не опаздывай! А это почти 15 км, если не больше. Наберу полное ведро, вечером приедем, Настя засушит малину в лепешках — пить зимой чай — и сахару не надо. Еще несколько раз съездил, и пора обратно в Байки. Хлеба на дорогу нет, картошки нет, только малиновые лепешки. Настя говорит: «Смотри, дорогой не ешь!» Но велик соблазн! Думаю: «Только немного попробую, совсем чуть-чуть». Глядишь, и лепешки уже нет! Но и домой, конечно, приносил.

А дома ждала работа — надо начинать косить сено для коровы. У нас покоса не было. Ищи и коси, но на колхозную землю не лезь — увезут сено. Так и у меня случилось. Накосил, сгреб, копну поставил (а косить я начал с 11 лет), приехал председатель колхоза и приказал увезти сено в колхоз. Не плакал я, но обида была. А мы опять с дедом заправляемся в коляску: он коренной, то есть за оглоблю берет (на шее — веревка, как хомут), а я рядом — пристяжной. Накосим крапивы, подсушим её и везем домой на коляске. Соседки удивляются — стар да мал, а везут воз. Вот и навозим на зиму. В сентябре за грибами пойдём. Но много ли в руках унесешь? Едем в лес за грибами с коляской. Собираем мешками, не смотрим какие — лишь бы грибы были. Привезем домой, а мать половину выбросит пока моет — червивые.

Опять в школу — копаем картошку в колхозе. Домой тащим по ведру. Очень вкусная. Собираем в лесу желуди с дуба, мать их сушит, затем мелем на мельнице (ходили в Якупово), получается мука из желудей. Мать печет хлеб, добавляя другой муки. Хлеб получается черный, сырой. Но другого нет. Едим, и в туалет не можем сходить — от такого хлеба начинаются запоры.

Ждем морозов — надо колоть поросенка. Вот и мороз. Во дворе большой костер: накаливают железные прутья, ноги у зарезанного кабана связывают, просовывают жердь и держат над костром, поворачивая. Эту работу делают несколько мужиков, я им помогаю. Щетина (волос на свинье) трещит, обгорает, становится черной, и её обметают метлой. Тушу кладут на доски и начинают жарить раскаленными прутьями. Все это делается тихо, тайно, ведь надо было шкуру снять ножом и сдать государству. «Ну, слава Богу — говорит мать, — теперь мы с мясом!» Начинается короткий мясоед, потом Великий Пост, когда мясо есть грешно. Наступила зима. Ходим в походы с ночевкой в Стеклозавод, Магинск. Там ставим пьесу «Сын полка» про Ваню Солнцева, сироту. Она нравилась не только ребятам, но и взрослым. Руководителем драмкружка была учительница истории Денисова Мария Матвеевна. В верхней школе показывают за плату кино без звука. Полный зал народу. Мы смотрим бесплатно, но надо крутить «динамо», чтобы работал киноаппарат. Рты у многих открыты, в глазах страх, в зале крики. Показывают кино «Она защищает Родину»: идут немецкие танки и топчут маленьких детей. Таким образом воспитывали у ребят ненависть к войне и фашизму.

В зимние каникулы иду на лыжах в Магинск — там у меня еще жили дяди, Захаровы Степан Васильевич и Михаил Васильевич. Оба воевали, имели много наград. Я больше был у дяди Степана. Он работал бакенщиком — летом на Уфимке ставил бакена, чтобы пароходы на мель не сели. Ночью на них зажигали керосиновые фонари. Зимой он ремонтировал бакена и ловил рыбу мордами подо льдом. В трескучие морозы на Рождество Христово рыба налим метала икру, чтобы оставить потомство. «Налиму стужа не страшна» — говорит пословица. Вот в это время их и ловили, и я не успевал возить пойманных налимов на санках. Когда их из морды живых вывалят на лед, они замерзают, а приносишь в избу, в теплое место — налим опять живой.

На Рождество сюда приходили отец с матерью. Отец уже начал поправляться и работал. Вечером при свете керосиновой лампы ели рыбные пироги, уху из налимов, плакали — вспоминали войну, пили бражку — медовуху (у них было много пчел). На третий день шли домой. А тут приезжает Настя — она работает в Айдосе зав. зерновым складом. Увозит меня в Айдос. Кормит хлебом и мясом от маленького теленка. Не знаю: зарезали его, или он умер при родах, но ем.

Когда ехали обратно дня через три, уже было темно. Смотрим: в темноте мелькают огоньки — это волки... Но лошадь была хорошая, и мы благополучно доехали до Байков.

Дома топилась «буржуйка» — железная печка. Было жарко, местами печка нагрелась докрасна. Нарезал сырой картошки круглешками, положил на печку и жарю. А Настя привезла мешок зерна, муки. Мы стали есть настоящий мучной хлеб.

И опять в школу — две недели прошли, как один день. Приезжаешь в школу, тебя окружают «детдомовцы». В 1942г. в Байках был открыт детский дом, куда привозили детей из осажденного Ленинграда и Москвы. Хотя их и кормили, но они всегда были голодны. «Дай мондры» — так они называли хлеб. Не дашь — отберут. Были и хорошие ребята. В дальнейшем многие из них получили высшее образование и приезжали в Байки. Заводилой у них был мальчишка по имени Казбек. Все его боялись и уважали. Где-то в 80-х годах он приезжал в село, был в музее, оставил нам свой адрес, но переписки так и не состоялось. Жил в Ленинграде. Бывал он у нас дома.

А время шло, вернее даже года шли. Отец совсем уже поправился, клал печки из кирпича, катал валенки. Валенки делал на совесть, поэтому по району быстро прошла молва о хорошем пимокатчике. Чтобы скатать валенки в очередь вставали! Привозили катать со всего района, но у всех не брал. Надо было платить большой налог (вернее, взять патент, а стоил он дорого). Несколько раз работники Райпо делали обыск — где валенки? А их нет, отец их умел хорошо прятать.

Окончив 6 классов (я же был переросток) летом начал работать в Заготзерно. Это место называли еще Усть-Байки — на берегу Уфимки, 10 км от Байков. Приняли транспортерщиком, оклад 400 рублей — по тем временам хорошие деньги. Грузили зерно со складов на баржи с помощью транспортеров — на каркасе широкая брезентовая лента, которая двигается. Нужно было следить за исправностью транспортера, и чтобы зерно не сыпалось мимо. Во время погрузки работали днем и ночью 8 часов, по сменам. Но главное, что в магазине можно было взять хлеб в счет зарплаты. Иногда домой приносил по две-три буханки хлеба. Мать плакала от радости, благодарила Бога и хвалила меня, называла кормильцем. Кроме того, можно было заработать деньги на погрузке и разгрузке барж. Грузили металлолом, выгружали муку, крупу в мешках по 80 кг.

Спустишься по трапу в трюм баржи, тебе положат мешок на седло. Седло — это такое приспособление: надеваешь ремни, как у рюкзака, только широкие, а на спине у тебя деревянная полка. Положат мешок в 80 кг и шагай. Трудно было подняться по крутому трапу, но шел, старался не падать, а то бригадир прогонит. За вечер зарабатывали от 20 до 50 рублей. На заработанные деньги я купил брюки, ботинки, пиджак и пришел осенью в школу «нарядный». Тогда я не курил, не пил, хотя многие пацаны увлекались этим.

Пошел последний год учебы в школе — я стал выпускником. Школа тогда была семилетка: окончишь 7 классов — дают свидетельство об образовании, и можно продолжать учебу в 8 классе в Караиделе или поступить в техникум, училище. А пока шел учебный год. В этот год я особенно старался учиться лучше. Это, видимо, заметили и выбрали меня председателем «учкома» (ученического комитета). Директором школы был молодой Юрий

Павлович Костерев. Я ему очень благодарен за всё, что он для меня сделал. Его уже давно нет в живых, а память осталась.

Особенно я любил историю, физику, литературу и физкультуру. Леонид Петрович Шуравин, учитель физкультуры, многое заложил в меня, как в будущего физкультурника.

Росли мы смелыми, выносливыми. Зимой в воскресные дни уходили на лыжах в лес на целый день, сунув кусок хлеба в карман. А то нас звали и зайцев погонять. В Ташино жил Шадрин Александр по прозвищу «батак», он был охотником. У него было ружье — карабин. За зиму он убивал более тридцати лис. Мы заранее делали трещотки и шли с ним на охоту. Собиралось мальчишек по 5-8. Расставлял нас, сам вставал на номер и охота начиналась. Шли каждый по определенному участку и крутили трещотку. В лесу звук усиливается, и зайцы бежали на охотника. Слышны были выстрелы. Когда загон кончался, мы собирали зайцев в кучу и делали новый загон. За работу получали по зайцу. А потом я и сам ставил петли из проволоки и ловил их. Рядом с нами (где и сейчас живем), была контора «Заготскот». А где живет Гриша Баранов, были большие сараи, где содержался скот. Зимой его резали и на лошадях везли в Уфу. Дед мой Федор работал на бойне мясником. Бойня — это место, где резали скот. Я часто там бывал. Это место выше нашей «фазенды», там стояло строение — теплый дом. Помню, как дед колот быков: привязал за рога веревку, веревку привязал к столбу; достал нож, пощупал пальцами между рогами; ударил ножом, и бык лежит на земле. Дальше шел процесс обдирания. Напарником у него был Осип Бабин — Рыжий, так его звали. Когда перерезали горло быку и текла кровь, он подставлял стакан, наполнял кровью и выпивал его, крикнув. Вся его борода и усы были в крови. Вытерев кровь рукавом, он начинал обдирать шкуру быка. Домой дед приносил немного мяса, спрятанного в широких штанах, и мать варила суп.

В 1948 г. у нас велись изыскательные работы: на реке Байкинке начали строить ГЭС. Изыскатели жили у нас на квартире — трое молодых людей из Белебея. Несколько раз они приглашали меня с Валей, моей сестрой, поносить рейки с делениями — с помощью них определяли насколько разольется вода, когда построят плотину. Еще нам надо было топтать крапиву, которая была высотой до 2,5 метров.

За эту работу нам начисляли трудодни, за которые мы ничего не получали. Но надо было отработать 200 трудодней. Вот и работали с утра дотемна, кусок хлеба запивая родниковой водой. Нам нужно было пройти путь от Байков до Якупово. Шли вверх по реке. На одном участке была очень высокая крапива и сырое место. Валя шла впереди, топчя крапиву, я тащил рейки, которые были высотой 3 м. Вдруг она остановилась и поманила меня рукой к себе. Я подошел. Она показала рукой на полянку впереди. Там, свернувшись кольцом на солнце, лежала змея длиной около 3 метров, толщиной с толстую палку. Змея, видимо, проглотила много мышей, лягушек, и крепко спала. Мы стояли не шевелясь. Подошли инженеры. Когда они увидели это зрелище, сказали нам немедленно уходить. Дальше по этой стороне они не пошли. Нашли брод, перешли на другую сторону и пошли дальше.

А строительные работы разворачивались. Всё делали вручную. Собрали допризывников на сборы, и они забивали сваи «бабой». Когда шла женщина или девчонка, они складывали про неё частушку, пели, а потом колотили сваю. Я много раз слушал их и смеялся. Вот одна из них:

Шла Галинка по дороге,
потеряла каблуки!
Раз-два взяли,
еще взяли,
да еще взяли,
еще возьмем!

После этого отдыхали, потом начинали снова.

В 1950 г. станция дала электрический ток. Лампочки Ильича зажглись в домах.

Лето выдалось грозное. Ягод было много. Поспевала в дубовых рощах костяника — маленькая красная ягода. Приближался большой праздник — Ильин день. Редко случалось, чтобы в этот день не было грозы. Дед Федор взял большое ведро, пошел в лес за костяникой — он никогда не говорил, куда идет (вообще говорил он мало, и, видимо, я унаследовал эту черту от него). День обещал быть жарким. С утра сильно парило солнце. Всё началось в обед. С запада подул ветер, пришли черные-

черные дождевые тучи, и загремело, загрохотало так, что хоть в погреб полезай. Дождь лил часа два, как из ведра, без остановки — прямой, без ветра. «Водяной» — так говорили про этот дождь старики.

Отца дома нет — только мать, Зоя и я (Валя училась в с/х техникуме в Кушнаренково). Лога наполнялись водой быстро, таща мусор и камни. А дождь всё идет. Напротив нас по дороге уже идет вал высотой больше метра. А дождь всё льет. Вода открыла у нас ворота, дрова заплывали во дворе. Хочу закрыть, да сил не хватает. Мать вышла, крестясь, и говорит: «Божья кара, Божья кара!» Видим: плывет телега, и за неё человек держится. Нам его не спасти — унесло в реку. Вода всё прибывает. Камни около тонны весом переворачивает и тащит к реке. Всё, что было на пути — плывет. Еще немного и вода пойдет в избу.

Но как резко начался дождь, так и закончился. А вода бежит черная-черная. Видимо, смыло поля и посевы. Результаты этого дождя были трагичны: у многих смыло картофель в огородах, посевы ржи, пшеницы тоже сильно пострадали. Вся улица была в камнях. Байкинка поднялась, как в половодье.

Под вечер приходит дед, машет руками: «Тово, как ево» (была у него такая поговорка). «А там, где я был, дождя не было» — говорит. Ведро было полно костяники.

Приближалась осень. Поспевали хлеба на полях. Начали уборку ржи. С матерью ходил, жал рожь серпом — я жал, она связывала в снопы. Трудная работа, целый день в наклон. Во время отдыха рвал колосья и чистил зерна, ел их, и немного собирал домой. После обеда на делянке лежат десятки снопов. Теперь надо собрать их и поставить в суслон. Бригадир принял работу. Идем пешком домой около 4 км. Дома другая работа — поиграть и некогда.

Поспевает греча. Приносят повестку — вашему хозяйству скосить 3 гектара гречи. Косить её легко, а на косе сделаны специальные деревянные грабли, чтобы скошенная греча ложилась в валки.

Иду косить с людьми старше меня: Леонид Герасимов, Григорий Балахнин, Сергей Тряскин и другие. Косить нужно в один мах всем, собьется один — начинается путаница. Косу точим

редко, потому как стебель у гречихи мягкий. Еда и питье свои. Пообедали и опять за работу. Вечером учетчик обмеряет скошенное поле — получается по 0,75 га (75 соток) на человека. Идем домой пешком уставшие. Завтра опять сюда. Косы прячем, чтоб домой не тащить. План выполнен. Приходит утром бригадир: «Помоги на комбайне мешки грузить». Убирают пшеницу. Комбайн прицепной, марки «Сталинец-6», его таскает трактор. Комбайнер Борисов Александр, мужик серьезный, работающий. На поле уходит в 6 часов утра, чуть солнышко взошло. На обед не останавливается, ест на ходу. На комбайне сделана площадка из досок с левой стороны, вверху бункер, куда сыплется обмолоченное зерно. Открываешь задвижку, один держит мешок — наполнил мешок, убирай, завязывай и бросай на землю. Сзади телега с лошадьё, в ней человек собирает мешки и везет на ток. Я не вытерпел и на второй день не пошел. Все кости болели от работы. Опять зовут — на машине погрузить и разгрузить зерно. Шофер Шадрин Михаил — очень шустрый, матерится, если что не так, гоняет нас четверых человек. Зерно возим с «Урала» (так поле называлось) на ток Нового Света — это была маленькая деревня выше Ташино. Работал несколько дней.

Кончилась уборочная. Колхозники получают за трудодни хлеб, мед, а нам ничего не дают, хотя выработали 200 трудодней. Обидно. Мать плачет: «Больше не пойдём». Но никуда не денешься, такой был закон.

Приходит зима долгожданная. Не знаю почему, но я ждал её. Может, потому, что работы было меньше. Всё повторяется, как и раньше. Только в лыжных соревнованиях чаще участвую. Пешком идем в Караидель, пробежим там дистанцию и пешком домой. Ваша бабушка тоже много бегала и каталась на лыжах. Лыжи надевали на валенки — мы и не знали тогда, что такое лыжные ботинки, и всё равно занимали призовые места! Поднимемся на прямуюшку — место между Караиделем и Байками. А там длинный спуск. Дорога была конная, то есть по ней ездили на конной повозке — держи шапку, чтоб не сдуло, да успевай отворачивать от повозок. Я очень любил этот спуск. Под Новый Год иду за ёлкой в лес с топориком. Побаивались лесника, поймают — хорошего не жди. Но почти в каждом доме была ёлка.

Жить стали лучше и питаться тоже. Зима подходила к концу, опять с дедом ходили в лес за липовыми лутошками (палки). Рубили в Урмане. Лес не наш, боимся, но лыка нужны, чтобы лапти плести. Нарубили, очистили от сучьев, сложили на деревянные санки, на широком погозе перевязали веревкой и поехали.

Дома дед лутошки занесет в избу, они согреваются, и он снимает с них кожуру — лыко. Затем это лыко вяжет в пучки и бросает в погреб, чтоб оно заперло, тогда лыко становится прочнее. И к лету начинает плести лапти, а я ему помогаю. Лыко очищаю, плету немного на колодке. Наплетем десятки пар — скоро на них будет спрос.

А отец готовит сак — это сетка из ниток для ловли рыбы. Скоро половодье.

Вот и пришла долгожданная весна. С прилетом грачей на улице стало шумно: птицы обновляют и строят новые квартиры — свои гнезда. Тащат всё, что плохо лежит, вплоть до тонкой проволоки. А мы катаемся на льдинах, отталкиваясь шестами. Моста большого нет — его только строить хотят, а старый сгнил.

Через речку мост временка. С началом половодья его разберут, а если не успеют — вода унесет. В разлив ходим по мосту на плотине, но бывало и его стаскивало водой. Тогда от нас на другой берег попадешь только на лодке. Перевозчиками были семья Меньшиковых (Михаил, Сергей, Леонид), и мы, мальчишки, помогали. Байкинка разливается быстро, за ночь может подняться до 80 см, а если нет мороза то больше. Но обычно утром бывают заморозки. Бывали и очень сильные разливы. Отец рассказывал, в 1914 году, в доме, где мы живем, была вода. Тогда много домов, бань унесло. Было так: плывет баня по реке, на ней сидит петух и кукарекает.

И начался разлив. Мать боится, молится Богу: «Господи, спаси и пронеси!» Шепчет и смотрит на иконы.

С отцом идем сакать. Каждый день на столе свежая рыба. А вода прибывает. Да еще дождик моросит — жди воды. У нас, мальчишек, забот нет — радость: идем на гору, там на верхушке снег стаял — будем играть в лапту (самая любимая игра!). А дед делает качели из веревок — завтра Пасха. Об экзаменах не думаем, далеко еще, у нас каникулы. Директор школы приняла

решение весенние каникулы проводить в половодье. Идем сакать за гору, там рыбы больше: я, Федор Казаков и Василий Козлов (сак его и он у нас самый старший). «Я только собираю рыбу» — сказал Василий. Попадаются окуни, щурята, головли. Но хочется поймать крупную щуку. Я беру сак, забрасываю, веду к берегу, и тут в него что-то ударило, стало тяжело. Вытащить не могу, кричу Федю. Вытащили на берег — там огромная щука. Вот и вся рыбалка. До дому надо тащить. Дома щуку на весы — 13 кг. Василий делит: «Хвост Феде, голову мне, середина моя, сак ведь мой». Больше с ним не ходили, хотя он нас звал.

Теперь пошли сакать по правой стороне, переехали на лодке к Сторице (за горой, выше Ташино, было старое русло реки, называлось Сторица). Там было много щук. Пришли, вода прибывает. А местами лед еще лежит на земле прозрачный, даже землю видно. Поднялись выше. Сакать негде было. Видим сквозь лед щук: тысячами лежат мертвые на дне. Думаем: что случилось, вспоминаем физику. Замор рыбы. Водохранилище весной начинали спускать, открывая ставни. Лед сел на землю, выхода к реке нет, и трещин нет, чтобы кислород поступал. Рыба и погибла. Но на Сторице выше нашли яму, где лед растаял. Здесь скопилось много щук. Наполнив рыбой мешки, еле дошли до дому.

На переправе, выше нынешнего моста, шла работа. Людей не много, человек 5-6, но надо перевозить. За веслами сидит Сергей. Учеников перевозит бесплатно, взрослые — плати. В это время идут женщины с деревни Галино, Туюшево — несут ведра с яйцами на продажу. Денег у них нет, за перевоз платят яйцами. Сергей уходит обедать, сказав: «Поработай пока, выручка твоя будет» (я и до этого перевозил). Заработав несколько десятков яиц, иду домой.

Была Пасха и самый разлив реки. Народу на берегах полно: гуляют, песни поют. Со стороны села подъехала пара лошадей, запряжённая в тарантас. Это была Лисицкая Вера Павловна, хирург районной больницы (она была в Байках). Она делала даже операции на почки в нашей больнице. Ей надо было ехать в Уфу, а тут половодье. Пошли на риск. Вначале перевезли тарантас, сняв колеса, потом перевезли багаж. Осталось две лошади, конюх Николай и Вера Павловна. Лошадей решили перевозить вплавь. Загнали лошадей в воду, они не идут, вода очень холодная, конюх держит их за узды, сидя на корме лодки, Вера Павловна сидит рядом. Поплыли, на середине реки лошади стали брыкаться (видимо, их стали сводить судороги). Надо было отпустить узды, а

конюх держит их. Лодка раскачалась и перевернулась, все оказались в ледяной воде. Кони поплыли к берегу, а людей несет вниз по реке. Все, кто стоял на берегу, бросились спасать их. А как? Лодки больше нет. Мой отец побежал по берегу ниже Ронжиных, в огород Юрия Казакова — течение вело как раз туда. Смотрим, он поймал Веру Павловну, вытащил её на берег и потащил к нам домой. Она была жива, но еще немного и судорога бы её сковала. Остальных тоже поймали. Мать дома раздела Веру Павловну, посадила на печь (она всегда была горячая), дала ей чаю, начала её растирать. Отец нашел где-то водки для этого, так что мы её спасли. В Уфу конечно не поехали. Коней спасли — долго их гоняли по дороге, пока не выступил пот. Дня через три отцу передали большую бутылку со спиртом, как спасателю.

Вера Павловна позднее заходила к нам, благодарила отца за спасение. В школьном музее имеется книга о врачах, где есть рассказ о ней.

Еще одно воспоминание — о том, как я ходил в Верхний Суян. Из Магинска сестра Настя переехала в Верхний Суян, что в 25 км от Караиделя по реке Уфимке вверх. Была весна. Писем давно нет, телефона нет. Мать беспокоится, жива ли. «Колянчик, сходи навестить их». Она была замужем за Борисом Павловичем Бессоновым, который работал мастером. Высокий, красивый мужчина (но умер от рака в 1950 г.).

Мне объяснили короткий путь: «Пойдешь до Багазов 6 км, затем прямо лесом спустишься к Уфимке и пойдешь по берегу». Путь в два раза короче. Пошел один, с утра пораньше. До Багазов дошел хорошо, а дальше заплутал. Только к вечеру спустился к реке. Идти было уже темно, решил ночевать на берегу. Спички были. Насобирал дров, развел костер и до утра сидел у костра один. Рано утром двинулся в путь. К обеду пришел в Верхний Суян. Настя очень удивилась. У неё всё было хорошо, дети росли, их было уже трое — Люся, Надя и Витя. Это ваши тётки и дядя (жаль, конечно, что мы с ними не переписываемся). Витя сейчас живет в Казахстане, Люся в Челябинске, Надя в Салавате.

Экзамены в школе я сдал успешно — в документе об образовании стояли только «4» и «5». Стоял вопрос: куда дальше, работать или учиться? Отец сказал: «Учись, помогу». Решил учиться. Но куда поступать? Держим совет. Летом на каникулы приезжал Меньшиков Леонид (он уже умер), мой друг. Но я отстал

в учебе, как уже писал. Леонид учился в Уфе, в физкультурном техникуме — Лесопильная, 34. Галина Петровна там же училась. Он очень хвалил техникум, хвалил директора Мырина, говоря, что он относится к нему как отец родной. Конечно, немного врал — таких как он было 300 человек. И вот мы — Бабин Толя, Скачков Коля и я едем сдавать вступительные экзамены: диктант по русскому языку, математика и физическая подготовка.

Поступили, я сдал на стипендию (на 4 и 5), а друзья нет. Но решили учиться без стипендии (это 180 рублей — жить можно). В это время доехать до Уфы было проблемой. До Бирска от Уфы еще ходил транспорт, а до нас от Бирска только на попутных. Часто ездил со своим дядей из Магинска, Захаровым Михаилом, он работал шофером. В кузове у него выше бортов ящики с пустыми бутылками — едет за водкой. Сядем на ящики, держимся за веревки, и так едем до Уфы. Милиции нет, никто не останавливает. На квартиру устроились рядом с техникумом. Там стояли большие деревянные бараки. Хозяева Мадьяровы муж с женой и двое детей, Алик и Галя. А в комнате 20 квадратных метров. В ней прожили год, потом перешли к Малышевым, потом к Любе Карповой. Жили у них два года.

Картошку везли из Байков, зимой мясо дядя Миша привозил. Несколько раз приезжала моя мать, ходила в техникум, интересовалась тем, как я учусь, а вечером уезжала с Захаровым.

1953-1955 студенческие годы пролетели незаметно. Учеба и спорт, свободного времени мало, зимой часто лыжные соревнования, за них платили деньги. В это время в магазинах уже

всё было, только деньги давай. Рядом с нами стояла баня (она и сейчас есть). Нас приглашали туда поработать: на станции нагрузить каменный уголь, у бани разгрузить. За вечер 50 рублей, да еще бесплатно стали ходить мыться в бане, хотя стоимость тогда была 15 копеек.

Находили время и «в театр» сходить: опера и балет, и драмтеатр, и конечно любимый кинотеатр «Родина», в котором было два зала и огромное фойе.

Решили один Новый Год на зимних каникулах встретить в Байках. До Бирска доехали, потом до Мишкино, а дальше нет никакого транспорта. Пошли пешком, ночевали в Явгильдино, потом домой. Добирались три дня. Больше зимой не ездили. А летом плыли на пароходе Уфа-Караидель. Теплоход колесный, в качестве топлива дрова, плыть двое суток. Берем черного хлеба, рыбы кильки, а кипяток на теплоходе бесплатно, пей сколько надо.

Здесь я начал заниматься лыжами. Тренер Огинский Борис Николаевич (позднее он с друзьями был у нас дома, Галина Петровна угощала). Лыжи с ботинками, лыжный костюм — всё давали в техникуме. Бегал на 5, 10, 15, 30 километров. Результаты для меня были высокие, выше второго разряда. Например, 30 км проходил на 2 часа 5 минут. Это чуть не первый разряд.

Бабин Толя занимался гимнастикой, выполнил 3 разряд; Скачков занимался спортивными играми. А я выбрал «лошадиный» вид спорта, так называли лыжные гонки.

Весной, когда еще лежал снег, мы шли на реку Белую, в пойму, заниматься плаванием. Это было настоящее наказание, никто не хотел здесь плавать. Но приходилось. Учась на первом курсе, несколько раз видел Галину Петровну — поздороваемся и всё. Я тогда и не знал, что она будет моей женой. На вечера в техникуме она не ходила, жила далеко. Окончив техникум, она уже работала в Караидельской школе, а я учился еще два года.

Жили весело и беззаботно, несмотря на то, что постоянно не хватало денег. Летом 1955 г. сдал гос. экзамены и получил специальность преподавателя физической культуры. Направили нас с Бабиным Толей в Караидельский район, а Скачкова в Нуримановский. По приезду в Караидель я был направлен работать в свою школу, Байкинскую семилетнюю, а Бабин в Атяш, это 40 км от Байков. С этого года я и работал в своей школе.

Был август 1955 г. Мы с Бабиным пришли в Караидель к заведующему РОНО Самойлову П.К. Принял он нас сухо (он всегда говорил свысока). Направил он нас, как молодых специалистов, на роновский покос, за Уфимку. Это место называлось Широкий Лог — 25 км от Караиделя в сторону Дувана. Еще двое были с Магинска. На 4 человека 3 га — «Что вам стоит!», как сказал зав. РОНО.

На другой день мы уехали на покос. «Кормить и косы — всё будет» — сказал Шубин, главный бухгалтер РОНО. Приехали — трава по пояс. Решили косить ночью и рано утром, потому что днем жара. Все четверо здоровые ребята, косим без отдыха. На второй день к вечеру выкосили. Приезжает Шубин В.С., удивляется тому, как мы всё успели, и говорит: «Вот вам гостинцы выслал зав. РОНО — бочонок браги. И еще есть участок 2 га, рядом. Сегодня отдохните, попейте, а завтра за работу». И уехал на машине. Мы задумались, косить не хотелось. Малышев Юра говорит: «Как хотите, а я поехал домой». И мы с ним. По дороге шли лесовозы, везли лес в Магинск. Поехали до Магинска, там нас перевезли через Уфимку на лодке, и мы пошли в Байки пешком ночью. Утром были в Байках. Самойлов П.К. с неохотой вспоминал об том покосе, когда я, будучи директором школы, напомнил ему об этом.

С первого сентября я начал работать в школе. Проработал только два месяца, как пришла повестка в армию. Классы в школе были большие, много детдомовских ребят, но общий язык нашел — даже пришли меня провожать. На другой день нас увезли в Уфу на открытой машине, хотя на дворе стоял ноябрь, был снег. Пишу это вам для того, чтобы знали, как нелегко жилось «детям войны», как нас тогда называли.

В Уфе встретили двух земляков из Якупово: один Абубакиров (он сейчас уже умер), второй Шаймарданов (он сейчас на пенсии, живет в Якупово, работал секретарем сельсовета). Загрузили нас в грязные вагоны-теплушки и повезли на восток.

Не знаю, закончу ли писать, а хотелось бы до конца. Сегодня хандра, 16 декабря, 4 часа утра. Пишу ведь в больнице в Уфе. Да и бабушке письмо написал.

Так вот. Куда едем — никто не знает. На каждой станции остановка, или загонят в тупик, и стоим сутками. Кормят кашей, чаю нет. В г. Омск остановка, моемся в бане, у которой только одно название. И дальше на восток. Хоть и снег лежит, двери теплушки открываем, окон нет — любимся Сибирью, ведь всё в первый раз.